

Джон Уэр

Американские свидетели американских и французских лагерей военнопленных после Второй мировой войны

Оригинал: John Wear. American Witnesses to the American and French POW Camps after World War II

Источник: <https://inconvenienthistory.com/12/1/7212>

Перевод с английского, 2020 г. На русском языке публикуется впервые!

Жестокая месть Америки побежденным

Джеймс Бак в своей книге «Другие потери» пишет, что около одного миллиона немецких военнопленных умерли в американских и французских лагерях после Второй мировой войны. Один из критиков этой книги спрашивает: «Как могли исчезнуть тела так, что за почти пятьдесят лет не нашелся ни один солдат, который захотел бы очистить свою совесть?» [1]

Ответ на этот вопрос заключается в том, что многочисленные солдаты стали свидетелями чудовищной смертности в американских и французских лагерях военнопленных после Второй мировой войны.

Мартин Бреч

Один из самых заслуживающих доверия и информативных американских свидетелей – Мартин Бреч. Ниже приводится основная часть его показаний:

В октябре 1944 года, в возрасте 18 лет, я был призван в армию США... В конце марта или начале апреля 1945 года меня отправили охранять лагерь военнопленных под Андернахом вдоль Рейна. Я в средней школе четыре года учил немецкий язык, поэтому я мог поговорить с пленными, хотя это и было запрещено. Однако постепенно меня стали использовать как переводчика и попросили выискивать членов СС. (Я не нашел ни одного.)

В Андернахе около 50 000 заключенных всех возрастов содержались в открытом поле, окруженном колючей проволокой. Женщин держали на отдельном огороженном участке, который я увидел только позже. Охраняемые мною люди не имели крыши над головой и одеял. У многих не было шинелей. Они спали в грязи, мокрой и холодной, с неадекватными ровиками-отстойниками

для экскрементов. Это была холодная, сырая весна, и их страдания от одного только воздействия осадков были очевидны.

Еще более шокирующим было видеть, как пленные бросают траву и сорняки в жестяную банку, содержащую пустой суп. Они говорили мне, что делали это, чтобы облегчить свои боли от голода. Они быстро становились истощенными. Началась дизентерия, и вскоре они спали в собственных экскрементах, слишком слабые и в слишком переполненных условиях, чтобы добраться до ровиков – отхожих мест. Многие умоляли о еде, болели и умирали на наших глазах. У нас было достаточно продовольствия и припасов, но мы ничего не сделали, чтобы помочь им, в том числе не оказали им никакой медицинской помощи.

Возмущенный, я протестовал перед своими офицерами и столкнулся с враждебной или откровенно безразличной реакцией. Когда я продолжил настаивать, они объяснили, что обязаны исполнять строгие приказы «свыше». Ни один офицер не осмелится поступать так с 50 тысячами человек, если он чувствует, что это «отклоняется от линии», что могло бы вызвать обвинения в его адрес. Понимая, что мои протесты бесполезны, я спросил одного друга, работающего на кухне, может ли он дать мне дополнительную еду для военнопленных. Он тоже заявил, что они подчиняются строгим приказам о жестко ограниченном снабжении пленных продовольствием, и что эти приказы исходят «свыше». Но он сказал, что у них есть больше еды, чем знает начальство, и что он сможет мне тайком кое-что достать.

Когда я бросал эту еду через колючую проволоку заключенным, меня поймали и пригрозили тюремным заключением. Я повторил это «преступление», и один офицер гневно пригрозил застрелить меня. Я предполагал, что это блеф, пока не столкнулся с одним капитаном на холме над Рейном, стрелявшим по группе мирных немецких женщин из пистолета 45-го калибра. Когда я спросил: «Почему?» он пробормотал: «Практика меткой стрельбы», и стрелял, пока магазин его пистолета не опустел. Я видел, как женщины бежали в поисках укрытия, но на таком расстоянии я не мог сказать, попал ли капитан в кого-нибудь или нет.

Вот когда я понял, что имею дело с хладнокровными убийцами, наполненными моралистической ненавистью. Они считали немцев неполноценными людьми и достойными уничтожения; еще одно выражение нисходящего витка расизма. Статьи в американской армейской газете «Stars and Stripes» ярко преподносили немецкие концлагеря, в сопровождении фотографий истощенных тел. Это усилило нашу ханжескую самодовольную жестокость и облегчило подражание тому самому поведению, против которого мы якобы должны были бороться. Также, думаю, солдаты, которые не успели побывать в боях, пытались доказать, какие они крутые, уничтожая пленных и мирных жителей.

Эти пленные, как я выяснил, в основном были фермерами и рабочими, такими же простыми и невежественными, как и многие наши собственные солдаты. С течением времени многие из них скатились в подобное зомби состояние безразличия, в то время как другие пытались сбежать безумным или самоубийственным способом, когда по открытым полям среди бела дня бежали к Рейну, чтобы утолить жажду. Их скашивали огнем.

Некоторые пленные так же жаждали сигарет, как и еды, говоря, что дошли до края от голода. Соответственно предприимчивые американские солдаты, «янки-торговцы», приобретали кучу часов и колец в обмен на горстку сигарет. Когда я начал бросать пленным коробки с сигаретами, чтобы разрушить эту торговлю, мне тоже угрожали рядовые американские солдаты.

Единственное светлое пятно в этой мрачной картине произошло однажды ночью, когда меня направили на «дежурство у кладбища», с двух до четырех ночи. На самом деле это было кладбище на возвышающемся склоне около этого огороженного участка, в немногих ярдах оттуда. Мое начальство забыло дать мне фонарик, и я не удосужился попросить его, так как у меня к тому времени возникло отвращение ко всей этой ситуации. Это была довольно светлая ночь, и вскоре я увидел, что какой-то пленный ползет под проволокой к кладбищу. Мы должны были стрелять в беглецов, как только их увидим, поэтому я начал вставать с земли, чтобы предупредить его, чтобы он вернулся. Внезапно я заметил еще одного пленного, который полз от кладбища до ограды. Они рисковали жизнью, чтобы для чего-то попасть на кладбище; мне нужно было это выяснить.

Когда я вступил во мрак этого поросшего кустами, затененного деревьями кладбища, я почувствовал себя совершенно уязвимым, но любопытство как-то заставляло меня идти дальше. Несмотря на свою осторожность, я споткнулся о ноги кого-то, лежавшего ничком. Размахивая винтовкой вверху, когда я споткнулся и пытался восстановить душевное и телесное равновесие, я вскоре почувствовал облегчение от того, что не выстрелил рефлексивно. Фигура привстала. Постепенно я смог разглядеть красивое, но охваченное ужасом лицо женщины. Рядом с ней лежала корзинка для пикника. Немецким мирным жителям не разрешалось ни подкармливать пленных, ни даже приближаться к ним, поэтому я быстро заверил ее, что одобряю то, что она делает, что ей не нужно бояться, и что я оставлю кладбище, чтобы убраться с дороги.

Я сделал это сразу же и присел, прислонившись к дереву на краю кладбища, чтобы быть незаметным и не пугать заключенных. Я представил себе тогда, и до сих пор представляю сейчас, каково было бы встретить красивую женщину с корзинкой для пикника, в тех условиях, будучи заключенным. Я никогда не забывал ее лицо.

В конце концов, все больше заключенных пробирались обратно за ограду. Я видел, как они тащили еду своим товарищам, и мог только восхищаться их мужеством и преданностью.

8 мая, в день победы в Европе, я решил отпраздновать с некоторыми заключенными, которых я охранял. Они выпекали хлеб, который периодически получали другие заключенные. Эта группа получила весь хлеб, который они могли съесть, и разделяла веселое настроение, порожденное окончанием войны. Мы все думали, что скоро вернемся домой, жалкая надежда с их стороны. Мы были в том, что должно было стать французской зоной, где мне вскоре довелось стать свидетелем жестокости французских солдат, когда мы перевели наших пленных к ним для их лагерей рабского труда.

Однако в тот день мы были счастливы.

В качестве жеста дружелюбия я вынул магазин из своей винтовки и поставил ее в угол, даже позволив им играть с ней после их просьбы. Это основательно «сломало лед», и вскоре мы пели песни, которым мы учили друг друга, или я выучил в старших классах на уроках немецкого языка («Du, du liegst mir im Herzen»). Из благодарности они испекли мне особую маленькую буханку сладкого хлеба, единственный возможный подарок, который они могли мне предложить. Я засунул его в свою «куртку Эйзенхауэра» и принес в казарму, где и съел его, когда остался один. Я никогда не пробовал более вкусный хлеб, и не чувствовал более глубокого чувства причастия во время его употребления. Я верю, что космическое чувство Христа (Единство всего сущего) раскрыло мне по этому случаю свое обычно скрытое присутствие, что повлияло на мое последующее решение заняться изучением философии и религии.

Вскоре после этого некоторые из наших слабых и больных заключенных были отведены пешком французскими солдатами в их лагерь. Мы ехали на грузовике за этой колонной. В какой-то момент грузовик замедлил ход и даже отъехал назад, возможно, из-за того, что водитель был так же шокирован, как и я. Всякий раз, когда немецкий пленный шатался или отставал, его били по голове дубинкой, пока он не умер. Тела сбрасывали на обочину дороги, где их подбирал другой грузовик. Для многих эта быстрая смерть, возможно, была даже предпочтительнее, чем медленная смерть от голода на наших «полях смерти».

Когда я наконец увидел немецких женщин в отдельном огороженном участке, я спросил, почему мы вообще держим их в плену. Мне сказали, что они «лагерные служительницы», отобранные в качестве «племенного поголовья» для СС для создания суперрасы. Я поговорил с некоторыми и должен сказать, что никогда не встречал более сильной духом или привлекательной группы женщин. Я, конечно, не думал, что они заслуживают тюремного заключения.

Меня все чаще использовали как переводчика, и мне удалось предотвратить некоторые особо неуместные аресты. Один довольно забавный инцидент был связан со старым фермером, которого притащили несколько военных полицейских. Мне сказали, что у него была «фантастическая нацистская медаль», которую они мне показали. К счастью, у меня была таблица с рисунками, идентифицирующая такие медали. Его наградили за то, что у него пятеро детей! Возможно, его жена почувствовала некоторое облегчение, что он свалился «с её плеч», но я не думал, что один из наших лагерей смерти был бы справедливым наказанием за его вклад в Германию. Военные полицейские согласились и отпустили, чтобы он продолжал свою «грязную работу».

Голод стал распространяться и среди немецких мирных жителей. Было обычным делом видеть, как немецкие женщины, ныряя до локтей в наши мусорные баки, ищут там что-то съедобное – то есть, если их не прогоняли.

Когда я беседовал с бургомистрами небольших городов и деревень, мне сказали, что их запасы продовольствия забрали «перемешенные лица» (иностранцы, работавшие в Германии), которые загружали еду на грузовики и уезжали. Когда я доложил об этом, мне в ответ только пожали плечами. Я никогда не видел Красного Креста ни в лагере, ни помогающего гражданским лицам, хотя их киоски с кофе и пончиками были доступны для нас везде. Тем временем немцам приходилось до следующего урожая рассчитывать на распределение припрятанных запасов.

Голод сделал немецких женщин более «доступными», но, несмотря на это, изнасилования были широко распространены и часто сопровождались дополнительным насилием. В частности, я помню 18-летнюю женщину, у которой одна сторона лица была разбита прикладом винтовки, а затем она была изнасилована двумя солдатами. Даже французы жаловались, что изнасилования, грабежи и пьяные дебоши со стороны наших войск были чрезмерными. В Гавре нам раздали буклеты, предупреждающие, что немецкие солдаты поддерживали высокий уровень поведения с французскими гражданскими лицами, которые были мирными, и что мы должны сделать то же самое. В этом мы потерпели жалкую неудачу.

«Ну и что?» – сказали бы некоторые. «Зверства врага были хуже наших». Это правда, что я видел своими глазами только конец войны, когда мы уже были победителями. Германская возможность для зверств угасла; зато наша была под рукой. Но зла злом не поправишь. Вместо того чтобы копировать преступления нашего врага, мы должны были бы стремиться раз и навсегда разорвать цикл ненависти и мести, который мучил и деформировал историю человечества. Вот почему я высказываюсь сейчас, спустя 45 лет после этого преступления. Мы никогда не сможем предотвратить отдельные военные преступления, но можем, если достаточно многие из нас выскажутся, повлиять на политику правительства. Мы можем отвергнуть правительственную пропаганду,

изображающую наших врагов как подлецов и нелюдей, и поощряющую те возмутительные действия, которые я видел. Мы можем протестовать против бомбардировок гражданских объектов, которые продолжаются и сегодня. И мы можем навсегда перестать оправдывать убийство нашим правительством безоружных и побежденных военнопленных.

Я понимаю, что среднестатистическому гражданину трудно признать себя свидетелем преступления такого масштаба, особенно если он сам причастен к этому. Даже симпатизирующие жертвам американские солдаты боялись жаловаться и навлечь на себя неприятности, как рассказывали мне. И эта опасность не исчезла. С тех пор, как я высказался на эту тему несколько недель назад, мне звонили с угрозами и разбили почтовый ящик. Но это того стоило. Написать об этих зверствах было катарсисом чувства, которое подавлялось слишком долго, освобождением и, возможно, это напомнит другим свидетелям, что «истина делает вас свободными, не бойтесь». Мы можем даже извлечь высший урок из всего этого: только любовь может покорить всех. [2]

Мартин Бреч видел, как тела вывозили из лагеря грузовиком, но он так и не выяснил, сколько их было, и где и как они были похоронены. [3] Бреч сказал в 1995 году относительно армии США: «Ясно, что на самом деле это была политика – стрелять в любых гражданских, пытавшихся подкормить пленных». Бреч также подтвердил, что политика искусственного голода, осуществлявшаяся генералом Эйзенхауэром, была жёстко обязательной для всех, вплоть до самого низкого уровня лагерной охраны. [4]

Другие американские свидетели

Многие другие офицеры и сержанты армии США заявляли, что условия в лагерях союзников были смертельными для немцев-военнопленных. Капрал Дэниел Макконнелл страдал от посттравматического стрессового расстройства, вызванного тем, что он увидел в лагере армии США в Хайльбронне. Макконнеллу было приказано, несмотря на полное отсутствие у него медицинской подготовки, возглавить «Бейкер № 4», «госпитальную» палатку в Хайльбронне. Макконнелл пишет: *Однажды во время работы с нарядом по заготовке угля меня вызвали в офис первого сержанта, который сказал: «Мы видим из твоего личного дела, что ты немного знаешь немецкий язык – парень там в лагере не справляется и все портит. Мы отправляем тебя, чтобы всё исправить.*

В «больнице» не было никакого медицинского оборудования и лекарств, кроме бутылочек аспирина. Макконнелл пишет: «После осмотра я увидел, что 'Бейкер № 4' – это больница только по названию. Даже самые элементарные стандарты чистоты там не поддерживались и не вводились. Чистящие и дезинфицирующие средства отсутствовали, не говоря уже о медицинских и хирургических [припасах]... Запах был невыносим... Операции проводились без

анестезии... Ночью можно было услышать треск пулемётной очереди или винтовочный выстрел, когда кто-то из пленных приближался к проволоке, чтобы сбежать». [5]

Палатка с земляным полом была просто способом собирать умирающих заключенных поближе к грузовикам, чтобы тем было удобно вскоре забирать их трупы. Макконнелл видел, как заключенные немецкие солдаты массово умирали в этом лагере, и видел, как узников хоронили бульдозерами в братских могилах. Макконнелл заявляет: «Когда умирал кто-то из пленных, его останки в мешке доставляли в палатку возле главных ворот. Там медик подписывал свидетельство о смерти, чему я был свидетелем. Несколько тел затем доставляли в длинную траншею-отстойник за пределами лагеря для массового захоронения. Если рядом присутствовали родственники (редкое событие), несколько слов произносил священник, затем бульдозер приступал к работе и засыпал тела землёй».

Так как Макконнеллу приказали контролировать все это, не имея возможности остановить происходящее, его чувство вины никогда не оставляло его. Спустя пятьдесят лет психическое состояние Макконнелла в итоге сделало его физически больным. Администрация ветеранов, которая в 1998 году присудила Макконнеллу 100% медицинскую пенсию, признала, что Макконнелл был на протяжении всей своей жизни травмирован ужасами, свидетелем которых он был в лагере, но не смог предотвратить. [6]

Вероятно, самым выдающимся из американских очевидцев лагерей является генерал-майор Ричард Стайнбах (в то время полковник), которому было приказано возглавить управление несколькими лагерями армии США близ Хайльбронна. В своих мемуарах Стайнбах рассказывает, что в ходе инспекционного тура обнаружил, что условия в американских лагерях военнопленных ужасные. Подавляющее большинство пленных не имели крыши над головой. Большая часть заключенных потеряла вес, некоторые страдали от болезней, а некоторые постепенно сходили с ума. Зачастую пленным предоставлялось гораздо меньше официальной продовольственной помощи в размере 1000 калорий в день, хотя Стайнбах вскоре обнаружил наличие достаточного количества продовольствия. [7]

Стайнбах знал, что было причиной ужасных условий в американских лагерях военнопленных: «Это было вызвано Планом Morgenthau... Morgenthau дал выход своим подавленным чувствам по отношению к Германии, моря этих людей голодом... [Его] целью было осуществить месть вместо того, чтобы способствовать национальным целям Америки. Конечно, за это был ответственным и [Франклин Д. Рузвельт](#), президент, утвердивший этот план. Еще хуже, чем голод, было безделье, навязанное этим людям. Я был поражен и одновременно испытал отвращение. Был ли это американский способ обращения с людьми, несмотря на то, что некоторые из них могли быть преступниками? ...Очевидно,

что это не так. Я приказал коменданту американского лагеря послать людей на железнодорожную станцию снабжения и взять дополнительные пайки». Стайнбах сказал, что продукты питания и палатки были доставлены немедленно из припасов, находившихся на складах поблизости. [8]

Генерал Уизерс Александр Бёррес, как и Стайнбах, член командования шестой армии, нашёл такие же условия в своих лагерях. Стайнбах говорит, что видел то же самое и в других местах: «Я осмотрел другие лагеря и нашел такую же ситуацию, приказав принять такие же меры по исправлению положения... Как только я вернулся в наш штаб, я встретился с генералом Бёрресом. Он сказал, что лагерь немецких военнопленных – это что-то за гранью его понимания». К сожалению, Стайнбах был переведен на другой пост в начале следующего года, и условия в Хайльбронне снова ухудшились, по словам капрала Дэниела Макконнелла. [9]

Американские лагеря военнопленных во Франции эксплуатировались намного ниже стандартов, установленных Женевской конвенцией. Полковник Генри Оллард, который руководил некоторыми лагерями во Франции с конца 1944 по май 1945 года, говорит, что в лагеря направлялись только продовольственные пайки. Заключенным отказывали в таких вещах, как медикаменты, одежда, топливо, столовые приборы и печки. Оллард описывает условия в лагерях: «Стандарты лагерей PW [военнопленных] в ComZ [тыловой зоне армии США] в Европе при сравнении оказываются лишь немного лучше или даже одинаковыми с условиями жизни японских лагерей военнопленных, о которых наши солдаты рассказывают нам, и уступают условиям жизни в немецких лагерях». [10]

В период после войны условия в американских лагерях постоянно ухудшались. Полковник Филипп Лобен позже заявил, что американские и французские лагеря в регионе Вогезы во Франции были настолько плохими, что «Вогезы были всего лишь одним большим лагерем смерти». [11]

Катастрофическая переполненность, болезни, воздействие погоды и недоедание были правилом в американских лагерях в Германии, начиная с 1945 года. Полковники армии США. Джеймс Б. Мейсон и Чарльз Х. Бизли наблюдали условия в американских лагерях вдоль Рейна в апреле 1945 года:

20 апреля был ветреный день, дождь сменялся дождем со снегом, снегом и ветрами, пронизывающими до костей, которые дули вниз по долине Рейна с севера над плоской равниной, где находилась огражденная территория. Теснившиеся близко друг к другу, чтобы согреться, за колючей проволокой было самое ужасное зрелище – почти 100 000 измученных, безразличных, грязных, изможденных, с отсутствующим взглядом мужчин, одетых в грязную полевую серую форму и стоящих по лодыжку в грязи. Здесь и там были грязно-белые

размытые пятна, в которых при более внимательном взгляде можно было разглядеть людей с перевязанными головами или руками, или стоявших в одних рубашках! Командир немецкой дивизии сообщил, что люди не ели, по крайней мере, два дня, и обеспечение водой было серьезной проблемой – хотя всего в 200 ярдах от них был берег полноводной реки Рейн. [12]

Зрелище внутри лагерей было ещё хуже. Заключенные страдали от голода и жажды, а многие умирали от голода, дизентерии и воздействия стихии. Капитан Бен Х. Джексон сказал, что, когда он подошел к одному из лагерей вдоль Рейна: «Я мог ощутить его запах за километр. Это было варварство». [13]

Один еврей, лейтенант военной разведки из Бад-Кройцнаха, рассказывал: «Я допрашивал немецких офицеров для Комиссии по военным преступлениям, и когда я нахожу их наполовину голодными прямо в наших собственных клетках для заключенных, и с ними обращаются так, как нельзя обращаться с собакой, я задаю себе некоторые вопросы. Иногда мне приходится подкормить и подлечить их в госпитале, прежде чем я смогу получить от них какую-то связную историю... Все эти директивы о том, чтобы не нянчиться с немцами, быстро открыли ворота для любой преступной тенденции, которая у нас есть». [14]

Американский политический комиссар в Австрии генерал Марк Кларк ужаснулся условиям в американских лагерях, когда прибыл в Австрию. Кларк сделал необычный шаг, написав памятную записку «для досье». Это, вероятно, было его оправданием перед историей, не задевая при этом его начальника, генерала Дуайта Эйзенхауэра. Кларк написал:

Когда я впервые приехал в Австрию из Италии, генерал Кейс рассказал мне о плачевных условиях, которые существовали в лагере Эбензее, в основном из-за чрезмерной скученности и отсутствия надлежащего питания. Он сказал мне, что принимает меры по исправлению положения... Я ... послал за полковником Ллойдом, моим генерал-инспектором, и велел ему устроить проверку в этом лагере. Позднее генерал Хьюм пришел с подробным докладом, показывающим критическую ситуацию, которая там существует. Я сразу же распорядился уменьшить перенаселенность лагеря и увеличить калорийность рациона примерно до 2800 калорий. Я не уверен, что у меня есть полномочия для этого, но я сделаю это в любом случае, потому что нужно предпринять какие-то немедленные действия. Меня удивляет отсутствие у офицеров моего штаба информации об этом лагере. [15]

Плачевное состояние австрийских лагерей подтверждается специальным исследованием, проведенным в сентябре 1945 года под командованием американского подполковника Герберта Поллака. Поллак обнаружил у многих заключенных в американских лагерях в Австрии состояние голода и серьезные проблемы с недоеданием. [16]

Американский сержант Меррилл У. Кэмпбелл пишет о массовых зверствах, свидетелем которых он был на юге Германии:

В этом открытом поле, стоявшие плечом к плечу, находилось 10 000 и более немецких пленных. Эта кучка узников [находилась] там три дня и более без еды и воды, без крыши над головой. Об этих людях мало кто беспокоился. Вокруг [не было] немецких гражданских лиц. Что касается еды и воды, то я лично думаю, что она могла бы быть им предоставлена. Большинство охранников были очень жестокими. Поскольку я не руководил этим лагерем, я мало что мог сделать. Утром пленных вывозили, моя рота получила приказ уйти и отправиться в Гармиш, когда моя рота покидала этот район. Я оглянулся, куда они выгоняли пленных; грязь была глубокой, насколько я видел. Из грязи торчали головы, руки и ноги умерших. Это вызвало у меня тошноту и отвращение. [17]

Американский капитан Фредерик Зигфридт был направлен на восток Франции близ Зиммена (Цимминг) в декабре 1945 года, где находилось около 17 тысяч немецких пленных. Капитан Л., пожизненный друг Зигфридта, был медиком подразделения. Зигфридт писал:

Капитан Л. всю свою жизнь был чрезвычайно трудолюбивым и добросовестным человеком. Было очевидно, что он пребывал в состоянии крайнего стресса, пытаясь справиться с условиями в ССЕ 27 и не получая никакого сотрудничества, никакой помощи, никакого понимания, был беспомощен, и у него даже не было никого, с кем он мог бы поговорить. Я мог послужить тому, чтобы восполнить [последнюю] потребность. Он объяснил мне, что у большинства людей дизентерия, и они страдают от недоедания. По его словам, у некоторых мужчин в клетках кровавый стул был целых 17 раз в день. Он отвез меня в одну из бывших французских казарм, которая служила госпиталем. В нем было 800 человек, лежавших по всей территории, на холодных бетонных полах, а также в кроватях. Вид этого просто разбивал ваше сердце... Почти все без исключения остальные [американские] офицеры были переведены в другие места службы из-за алкоголизма или психических проблем... Деятельность ССЕ 27 казалась типичной для всей системы. Когда какой-то огороженный лагерь под открытым небом получал кучу пленных, с которыми они не знали, что делать, или не могли справиться иным образом, их без предупреждения отправляли в другой такой лагерь... Я понятия не имею, сколько из них умерли, [или] где они были похоронены. Уверен, американцы их не хоронили, и у нас не было такой штуки, как бульдозер. Могу только предположить, что какая-то группа немецких пленных похоронила их. Я мог бы посмотреть из окна своего офиса и сказать, было ли тело, которое перевозили, живым или мертвым, по тому, был ли среди них пятый человек, следовавший с ними с личным имуществом этого человека. Их число могло составлять от пяти до двадцати пяти в день. [18]

Зигфридт пришел к выводу, что «[американский] персонал гораздо больше заботился о своей жизни в роскоши, чем о работе лагерей для военнопленных». [19]

Один американский офицер, который захотел остаться анонимным, опасаясь репрессий, рассказывал: «Условия, которые вы так верно описали, были точно такими же, как в Регенсбурге, Мосбурге и других лагерях на всей территории Нижней Баварии и Австрии. Смерть была обычным явлением, как и жестокое обращение со стороны польских охранников под командованием американских офицеров». [20]

Многие немецкие военнопленные «случайно задохнулись» в товарных вагонах союзников во время транспортировки. Американский лейтенант Артур У. фон Фанге в марте 1945 года увидел около 12 запертых товарных вагонов, наполненных людьми, стоявших на запасном пути близ Ремагена. Он услышал крики изнутри, которые постепенно утихли. Фон Фанге сказал: «Я не представляю, чтобы они длились три дня». [21] Несколько раз в марте 1945 года американские охранники, открывавшие железнодорожные вагоны с пленными, прибывшими из Германии, обнаружили пленных внутри мертвыми. В Майи-ле-Кан 16 марта 1945 года были найдены мертвыми 104 заключённых. Еще 27 немецких пленных были найдены мертвыми в Аттиши. [22]

Вскоре после капитуляции Германии 8 мая 1945 года генерал Эйзенхауэр отправил срочного курьера по всей огромной территории, которой он командовал. В послании, в частности, говорилось: «Военная администрация просила меня сообщить, что ни при каких обстоятельствах не разрешается собирать продовольствие среди местных жителей, чтобы доставить его немецким военнопленным. Те, кто нарушает этот приказ и все же пытается обойти эту блокаду, позволив чему-либо дойти до пленных, поставят себя под угрозу расстрела». [23] Копии этого приказа были найдены во многих городах и деревнях Германии. [24]

Один американский сержант (который попросил остаться анонимным), увидел этот приказ гражданским лицам, на немецком и английском языках, вывешенный на доске объявлений штаба военной администрации армии США в Баварии, подписанный начальником штаба военного губернатора Баварии. Приказ даже был вывешен на польском языке в Штраубинге и Регенсбурге, поскольку в этих лагерях было много польских охранников. Американский сержант сказал, что армейское командование с мая 1945 года по конец 1947 года намеревалось уничтожить столько немецких военнопленных в зоне США, сколько выдержит транспорт, не привлекая внимания международного сообщества. Этот сержант, который в то время служил в военной разведке в американских оккупационных войсках, был свидетелем вызывающих смерть условий пребывания немецких пленных в нескольких лагерях, включая Регенсбург под Мюнхеном. [25]

Оскар Э. Пламмер из Клинтона, штат Иллинойс, писал о смертельных условиях, которые он наблюдал в американских лагерях военнопленных:

Я служил в армии США во время Второй мировой войны, и был ранен в Бельгии. Я много времени провел в Германии во время и после войны.

Многие люди неохотно верят в то, что Соединенные Штаты могли плохо обращаться с немецкими пленными, так, как об этом рассказывает Джеймс Бак в его книге «Другие потери». Я могу подтвердить тот факт, что у армии США действительно были эти бесчеловечные загоны для немецких пленников: я видел их! Их охраняли, эти огороженные районы с тысячами немецких военнопленных внутри, там не было ни внутренних зданий, ни убежищ. Пленные выглядели очень худыми и измученными. Это было через несколько месяцев после окончания войны. Их следовало бы освободить, когда война закончилась. [26]

Заключение

Несмотря на показания этих американских солдат и дополнительные свидетельства тысяч немецких и французских солдат, большинство историков до сих пор отрицают, что западные союзники массово убивали немецких военнопленных после Второй мировой войны. Например, историк Кейт Лоу писал о тезисе Бака в «Других потерях»: «Это была классическая теория заговора, и ее не стоило бы упоминать, если бы не полемика, вызванная книгой, когда та была опубликована». [27] Такое отрицание представляет собой вопиющее игнорирование исторической истины.

Джеймс Бак заканчивает свою выдающуюся книгу призывом к справедливому мышлению и пониманию. Бак пишет: «Безусловно, настало время, чтобы догадки и ложь прекратились. Конечно, пришло время серьезно отнестись к тому, что очевидцы с обеих сторон пытаются рассказать нам о нашей истории. Во всем западном мире известны дикие зверства против армян, украинцев и евреев. Отрицаются только зверства против немцев. Разве немцы не люди в наших глазах?» [28]

Примечания

[1] Bischof, Günter, "Bacque and Historical Evidence," in Bischof, Günter and Ambrose, Stephen E., (eds.), *Eisenhower and the German POWs: Facts against Falsehood*, Baton Rouge and London: Louisiana State University Press, 1992, стр. 201.

[2] Brech, Martin, "In 'Eisenhower's Death Camps': A U.S. Prison Guard's Story," *The Journal of Historical Review*, Vol. 10, No. 2, Summer 1990, стр. 161-166.

- [3] Bacque, James, *Crimes and Mercies: The Fate of German Civilians under Allied Occupation, 1944-1950*, 2nd edition, Vancouver, British Columbia: Talonbooks, 2007, стр. 41, 44.
- [4] Там же, стр. 45-46.
- [5] Bacque, James, *Other Losses: An Investigation into the Mass Deaths of German Prisoners at the Hands of the French and Americans after World War II*, 3rd edition, Vancouver: Talonbooks, 2011, стр. xx.
- [6] Там же, стр. xx-xxi.
- [7] Там же, стр. xviii-xix.
- [8] Там же, стр. xix-xx.
- [9] Там же
- [10] Там же, стр. 190. See also Bacque, James, *Crimes and Mercies: The Fate of German Civilians under Allied Occupation, 1944-1950*, 2nd edition, Vancouver, British Columbia: Talonbooks, 2007, стр. 29.
- [11] Там же, стр. 100.
- [12] Там же, стр. 31.
- [13] Там же, стр. 194.
- [14] Dos Passos, John, *Tour of Duty*, Westport, Conn.: Greenwood Press, 1945, стр. 251-252.
- [15] Bacque, James, *Other Losses: An Investigation into the Mass Deaths of German Prisoners at the Hands of the French and Americans after World War II*, 3rd edition, Vancouver: Talonbooks, 2011, стр. 184-185.
- [16] Там же, стр. 184.
- [17] Там же, стр. 191-192.
- [18] Там же, стр. 192-193.
- [19] Там же, стр. 193.
- [20] Там же, стр. 192.
- [21] Там же, стр. 194.
- [22] Там же, стр. 18.
- [23] Bacque, James, *Crimes and Mercies: The Fate of German Civilians under Allied Occupation, 1944-1950*, 2nd edition, Vancouver, British Columbia: Talonbooks, 2007, стр. 40-43.
- [24] Там же, стр. 49-50.
- [25] Bacque, James, *Other Losses: An Investigation into the Mass Deaths of German Prisoners at the Hands of the French and Americans after World War II*, 3rd edition, Vancouver: Talonbooks, 2011, стр. xxxi.
- [26] *The Journal of Historical Review*, Vol. 14, No. 4, July/August 1994, стр. 48.
- [27] Lowe, Keith, *Savage Continent: Europe in the Aftermath of World War II*, New York: St. Martin's Press, 2012, стр. 121.

[28] Bacque, James, *Other Losses: An Investigation into the Mass Deaths of German Prisoners at the Hands of the French and Americans after World War II*, 3rd edition, Vancouver: Talonbooks, 2011, стр. 196.

Джон Уэр

Свидетельства об американских и французских лагерях для военнопленных после Второй мировой войны

Оригинал: John Wear. *Accounts of the American and French POW Camps after World War II*

Источник: <https://inconvenienthistory.com/12/2/7295>

Перевод с английского, 2020 г. На русском языке публикуется впервые!

Западные союзники сознательно убили большое количество разоруженных немецких военнопленных после Второй мировой войны с помощью искусственного голода, отсутствия крыши над головой и не предоставления пленным воды. Впервые это злодеяние союзников было разоблачено в 1989 году в книге «Другие потери» канадца Джеймса Бака. По оценкам Бака, число жертв, несомненно, превышает 790 000 человек, почти наверняка превышает 900 000 человек и, вполне вероятно, превышает один миллион человек. Смерть этих пленных сознательно была вызвана армейскими офицерами, которые располагали достаточными ресурсами для сохранения жизни этих пленных. Организациям по оказанию помощи, таким как Красный Крест, не было разрешено помогать немецким военнопленным в лагерях союзников. [1]

Ранее наш журнал «Неудобная история» уже публиковал статью с показаниями американских солдат, которые были свидетелями смертоносных условий в этих лагерях для военнопленных, управляемых союзниками. [2] В этой статье приводятся показания других свидетелей этого злодеяния союзников.

Выжившие немецкие военнопленные

Выжившие немецкие военнопленные дали показания об ужасных условиях и жестоком обращении, с которыми они столкнулись в лагерях союзников для военнопленных. Многие выжившие немецкие заключённые подверглись жестокому насилию ещё до прибытия в лагерь союзников. Немецкий военнопленный Вернер Вильгельм Ласка сообщал о своем переводе в американский лагерь:

Американские охранники, приехавшие с грузовиком, с самого начала были злобными и жестокими. Меня пинками и ударами ногами в спину заставили подняться в грузовик. В нем уже находились другие немецкие солдаты. После одного или двух часов езды мы прибыли на открытое поле, на котором уже были собраны многие немецкие военнослужащие, обычные рядовые. Когда мы сошли с грузовика, нас ждала большая группа американцев. Они встретили нас криками и возгласами, такими как: «Ты Гитлер, нацист, и т. д.» ... Нас избивали, пинали и толкали; один из этих гангстеров жестоко сорвал мои часы с запястья. Каждый из этих бандитов уже владел десятью или двадцатью часами, кольцами и прочими вещами. Избиение продолжалось, пока я не достиг той линии, где стояли мои товарищи. Большинство наших бутылок с водой (фляг), рюкзаков и т. д. были срезаны, и даже шинели пришлось оставить на земле. Приезжало всё больше заключённых, включая даже мальчиков и стариков. Через несколько часов большие грузовики с прицепами – обычно используемые для перевозки крупного рогатого скота – выстроились в линию для погрузки человеческого скота.

Чтобы попасть в грузовики, нам пришлось пробежать сквозь строй; нас били и пинали. Потом они затолкали нас в прицепы настолько плотно, что даже двери уже не закрывались. Мы даже дышать не могли. Солдаты ехали на большой скорости по дорогам и через деревни и города; за каждым грузовиком с прицепом всегда следовал джип с установленным на нём пулемётом.

В конце дня мы снова остановились на открытом поле, и нас выгрузили таким же способом, с избиениями и пинками. Мы должны были выстроиться и стоять по стойке «смирно», как новобранцы на курсе молодого бойца. Американцы быстро огородили нас колючей проволокой, размотанной с катушек, поэтому в ту ночь у нас не было места, чтобы сесть или лечь. Нам даже пришлось справлять нужду стоя. Поскольку мы не получали ни воды, ни пищи, мы испытывали сильный голод и жажду. У некоторых солдат еще осталось немного чая в флягах, но его едва ли хватало на всех.

На следующий день процедура началась, как и накануне; нас загнали через строй в прицепы для скота, затем отвезли на следующее открытое поле. Не было ни пищи, ни воды, но всегда за колючей проволокой – есть такая американская песня: «... Don't fence me in» ... – как и детское поведение большинства американцев: Наказание нацистов! После первой ночи, когда нас снова загрузили в машины, некоторые из нас так и остались на том поле, либо мертвые, либо настолько слабые и больные, что они больше не могли передвигаться.

Мы приближались к реке Рейн, как мы заметили, но нам предстояло прожить еще одну ночь с тем же обращением, о котором я говорил. Это было ужасно!

Всё это не могло быть совпадением. Должен был существовать какой-то план, потому что, как мы позже узнали, во всех лагерях, управляемых американскими подразделениями, было почти точно такое же обращение. Во время войны мы слышали о «Плане Моргентау» и «Плане Кауфмана», и именно это, казалось, происходило с нами в те моменты: истребление целого народа! [3]

Ласка в итоге был отправлен во Францию для работы на угольных шахтах и в других неприятных местах, где его мучения продолжались. 7 января 1950 года французы, наконец, отпустили Ласку в Германию. [4]

Несколько узников из лагеря военнопленных в Хайльбронне написали Баку письма, чтобы подтвердить вызывающие смерть условия в этом лагере. Один из них – Антон Пфаррер, которому было 16 лет, когда он был взят в плен и заключён в Хайльбронне. Пфаррер писал: «Я могу вспомнить почти каждый день страданий, но я смог вернуться, хотя так много тысяч так никогда и не вернулись. В мае в моем лагере (А-1) было 3000 человек, но к концу августа осталось только 1500, которые могли откликнуться на переключку. Все они умерли». За это время ни одного человека из его лагеря не отпустили. В 1998 году Пфаррер позвонил американскому генералу Ричарду Стайнбаху, чтобы поблагодарить Стайнбаха за спасение его жизни. Стайнбах взял на себя управление Хайльбронном в октябре 1945 года и немедленно улучшил условия содержания в лагере. [5]

Немецкому военнопленный Руди Бухалю было приказано служить в качестве санитаря в «госпитале» в Бретценхайме. Госпиталь представлял собой палатку с земляным полом внутри лагеря. В госпитале в течение первого месяца и более не было ни коек, ни предметов медицинского назначения, ни одеял, ни пайков для спасения от голода. Позднее американские группы получили некоторые припасы от американских подразделений, дислоцированных поблизости немецких городов. Водители 560-й роты скорой помощи рассказывали Бухалю, что за десять недель американского контроля в шести лагерях вокруг Бретценхайма умерли 18 100 солдат. Бухаль также слышал цифру 18 100 умерших от других американцев, работавших в госпиталях, и от немцев, которые отвечали за статистику госпиталей. Шестью этими лагерями были Бретценхайм, Бибельсхайм, Бад-Кройцнах, Дитерсхайм, Хехтсхайм и Хайдесхайм. [6]

О добросовестности Руди Бухаля свидетельствовала сама армия США. После освобождения Бухаль получил документ, в котором говорилось, что, по мнению офицеров армии США, которые надзирали за ним, «в течение вышеупомянутого периода [апрель-июль 1945 года] он проявил себя как готовый помочь, способный, трудолюбивый и надежный». По аналогии с опытом американского капрала Дэниела Макконнелла, Бухаль обнаружил, что эти «госпитали» были всего лишь местами, куда отправляли умирающих узников, а не местами, где пленным помогали поправиться. Бухаль вспоминал, что многих

смертельно больных эвакуированных доставляли в Идштайн, к северу от Висбадена. Бухаль заявил: «И я могу вспомнить, что ни один военнопленный оттуда не вернулся». [7]

Немецкие пленники, пережившие Бретценхайм, описывали свое прибытие туда 9 мая 1945 года. Заключенные увидели три ряда трупов вдоль дороги перед лагерем. Самими американцами было признано, что в Штромберге 9 и 10 мая были похоронены в общей сложности 135 умерших из Бретценхайма. Не все умершие в Бретценхайме погибли от обычного голода, болезней и от воздействия погоды ввиду отсутствия крыши над головой. [8]

Йоханнес Хайзинг, ранее настоятель монастыря на Рейне, опубликовал в 1990-х годах книгу о том, что он пережил в американском лагере в Ремагене. Франц-Йозеф Племпер, еще один бывший заключенный Ремагена, напомнил Хайзингу об одном событии, не описанном в книге Хайзинга: в одну ночь американцы бульдозерами закопали живых людей под землей в их наспех вырытых ямах. Племпер так описал эту сцену Хайзингу:

Однажды ночью в апреле 1945 года я в испуге очнулся от своего ступора под дождем и в грязи из-за пронзительных криков и громких стонов. Я вскочил и увидел на расстоянии (около 30-50 метров) прожектор бульдозера. Потом я увидел, как этот бульдозер движется вперед через толпу заключенных, которые лежали там. Спереди у него был отвал, прокладывающий путь. Сколько заключенных было погребено заживо в своих земляных пещерах, я не знаю. Установить это было уже невозможно. Я отчетливо слышал крики: «Ты убийца».

Ужас этого происшествия был настолько болезненным, что Хайзинг вытеснил его из своей памяти. Хайзинг вспомнил об этом событии только после того, как Племпер напомнил ему о нем. [9]

Аналогичный инцидент произошел в американском лагере в Райнберге в середине июня 1945 года. Согласно сообщениям нескольких бывших заключенных, последним действием американцев в Райнберге до того, как лагерь был передан под управление англичан, была зачистка бульдозером одного участка в лагере, который сравнивали с землей, хотя люди там все еще жили в их выкопанных в земле ямах. [10] Военнопленный Вольфганг Ифф рассказывал, что в его части лагеря в Райнберге, в которой, возможно, пребывало 10 000 человек, каждый день вытаскивали от 30 до 40 трупов. Будучи членом похоронной команды, Ифф хорошо мог видеть, что происходит. Ифф видел, что около 60 или 70 трупов вывозили ежедневно из других лагерей. [11]

Один 50-летний сержант со степенью доктора философии вел в Райнберге дневник чернилами на туалетной бумаге. 20 мая 1945 года он написал: «Как долго мы будем без крыши над головой, без одеял или палаток? У каждого

немецкого солдата когда-то было убежище от непогоды. Даже у собаки есть домик, в который можно залезть, когда идет дождь. Наше единственное желание – наконец, через шесть недель получить хоть какую-то крышу над головой. Даже у дикаря жилище лучше. Диоген, Диоген, у тебя, по крайней мере, была своя бочка». [12]

Частью проблемы в Райнберге было то, что долгое время эти лагеря были очень переполнены. Огороженный участок лагеря размером 300 метров на 300 метров должен был вместить не более десяти тысяч человек. Однако на начальном этапе туда загоняли до 30 тысяч пленных, оставляя лишь около трех квадратных метров на человека. Военнопленный Телен сказал своему сыну через колючую проволоку, что в Райнберге ежедневно умирают от 330 до 770 узников. Тогда в лагере находилось от 100 000 до 120 000 пленных. [13]

Шарль фон Люттихау рассказывал о своём лагере военнопленных в Криппе близ Ремагена:

Уборные представляли собой просто бревна, положенные над канавами, рядом с ограждениями из колючей проволоки. Чтобы получить место для сна, всё, что мы могли сделать, это выкопать руками яму в земле, затем, держась друг за друга, сидеть в этой яме. Мы были притиснуты очень тесно друг к другу. Из-за болезни мужчины вынуждены были испражняться просто на землю. Вскоре многие из нас были слишком слабы, чтобы до этого снять брюки. Поэтому наша одежда была заражена, так же, как и грязь, в которой мы должны были ходить, сидеть и лежать. Сначала воды не было вообще, кроме дождя, потом через пару недель мы могли получить немного воды из колонки. Но большинству из нас не в чем было носить воду, так что мы могли получить только несколько глотков воды после нескольких часов стояния, иногда даже на следующую ночь. Нам приходилось ходить между дырами по мягкой земле, выброшенной в результате копания, поэтому было легко упасть в яму, но тяжело вылезать из нее. Дождь вдоль этой части Рейна той весной лил почти постоянно. Больше половины дней у нас шел дождь. Больше половины дней у нас вообще не было еды. В остальном мы получали небольшой «паёк К» из неприкосновенных запасов. Глядя на упаковку, я понял, что они давали нам десятую часть тех пайков, которые они выдавали своим солдатам. Таким образом, в итоге мы получили, возможно, пять процентов от нормального рациона американской армии. Я пожаловался коменданту американского лагеря, что он нарушает Женевскую конвенцию, но он просто сказал: «Забудь о Конвенции. У тебя нет никаких прав».

В течение нескольких дней некоторые из мужчин, которые попали в лагерь здоровыми, были мертвы. Я видел, как наши люди тащили много трупов к воротам лагеря, где их бросали на грузовики, которые их увозили. [14]

Один 17-летний пленник, который мог из лагеря увидеть вдали свою деревню, однажды утром был найден застреленным у подножия ограждения из колючей проволоки. Охранники повесили его тело на колючую проволоку и оставили его висеть так в качестве предупреждения другим заключенным. Многие пленные кричали: *Mörder, Mörder* [Убийцы, убийцы]! В отместку комендант лагеря в течение трех дней не выдавал заключенным их скудные пайки. Для пленных, которые уже сильно страдали от голода и едва могли передвигаться из-за слабости, это было страшно; для многих это означало смерть. Комендант также и в других случаях не выдавал пленным пайки в качестве наказания. [15]

Немецкий танковый механик Георг Вайс заявил, что его лагерь на Рейне был настолько переполнен, что «мы не могли даже лежать как следует. Всю ночь нам приходилось сидеть, притиснутыми друг к другу. Но хуже всего была нехватка воды. В течение трех с половиной дней у нас вообще не было воды. Мы готовы были пить собственную мочу. Вкус ужасный, но что мы могли поделать? Некоторые люди опускались на землю и облизывали землю, чтобы получить немного влаги. Я был так слаб, что уже стоял на коленях, когда наконец-то нам выделили немного воды. Думаю, я бы умер без этой воды. Но Рейн был близко, прямо за проволокой. Охранники продавали нам через проволоку воду и сигареты. Одна сигарета стоила 900 марок. Я видел тысячи умирающих. Они возили тела на грузовиках». [16]

Немецкий капрал (ефрейтор) Хельмут Либих был взят американцами в плен 17 апреля 1945 года около Готы в центральной Германии. В лагере в Готе были только обычные ограждения из колючей проволоки без палаток. Узники, чтобы получить небольшой паек, были вынуждены пробегать между рядами охранников, которые били их палками. 27 апреля 1945 года пленных перевели в американский лагерь близ Хайдесхайма дальше на запад, где в течение нескольких дней вообще не было еды, а затем ее выделяли очень мало. Пленные начали в большом количестве умирать от воздействия погоды, от голода и жажды. Либих видел, как из его участка, лагеря В, в котором находилось около 5200 заключенных, в день вытаскивали от 10 до 30 трупов.

13 мая 1945 года Либих был переведен в другой американский лагерь в Бинген-Бюдесхайме близ Бад-Кройцнаха. Вскоре Либих заболел дизентерией и тифом. Его снова перевезли, полубессознательного, в железнодорожном вагоне открытого типа с ещё примерно шестьюдесятью пленными. Когда они ехали обходным путем через Голландию, голландцы стояли на мостах и бросали камни в головы пленным. После трёх ночей Либих с помощью других пленных смог нетвердой походкой войти в американский лагерь в Райнберге, где снова не было ни крова, ни достаточного количества пищи.

Однажды в июне 1945 года Либих через галлюцинации своей лихорадки увидел англичан. Англичане спасли ему жизнь в своей больнице в Линтфорте.

Либих всю оставшуюся жизнь вспоминал с благодарностью спасшее ему жизнь лечение, которое он получил от англичан. Либих говорил: «Было замечательно находиться под крышей в настоящей кровати. С нами снова обращались как с людьми. Томми относились к нам, как к товарищам». [17]

Некоторые историки утверждают, что приказ Эйзенхауэра о запрете гражданским лицам поставлять продовольствие в лагеря был вызван общей угрозой нехватки продовольствия. Однако многие немецкие пленные и мирные жители видели, как американские охранники сжигали продовольствие, доставленное гражданскими женщинами в лагеря военнопленных. Эрнест Крэмер, заключенный в Райнберге, рассказывал: «Сначала женщины из соседнего города принесли в лагерь еду. Американские солдаты забрали у женщин всё, сбросили в одну кучу, вылили на нее бензин и сожгли». Писатель Карл Фогель, немецкий комендант лагеря, назначенный американцами в лагерь 8 в Гармиш-Партенкирхене, высказал мнение, что Эйзенхауэр сам приказал уничтожать продовольствие. Американцы уничтожали еду у ворот, несмотря на то, что заключенные получали только 800 калорий в день. [18]

Немецкий заключенный Герберт Петерс так рассказывал об условиях в американском лагере в Райнберге: «Даже когда у нас было мало еды, участок, выделенный для размещения провизии, был огромным. Груды коробок, как бунгало с пересекающимися улицами по всей территории». [19]

Бывшие военнопленные также сообщали о многочисленных случаях расстрела заключенных и гражданских лиц американскими и французскими охранниками. Пауль Капс, немецкий солдат, находившийся в американском лагере в Бад-Кройцнахе, писал: «В одну ночь 8 мая 1945 года в огороженном лагерном участке № 9 были застрелены 48 пленных». Заключенный Ханнс Шарф стал свидетелем особо ужасного убийства, когда одна немка с двумя детьми попросила американского охранника из Бад-Кройцнаха передать бутылку вина своему мужу, находившемуся тут же за проволокой. Охранник сам выпил вино, а когда бутылка опустела, охранник убил этого пленного пятью выстрелами. Остальные пленные выразили протест, и лейтенант армии США Хольцман сказал: «Это ужасно. Я прослежу, чтобы военный трибунал был суровым». Никаких доказательств того, что виновный в этом или любом другом аналогичном инциденте предстал перед военным трибуналом, так и не было найдено. [20]

Заключённых и гражданских женщин расстреливали, несмотря на то что приказ генерала Эйзенхауэра дал возможность отдельным комендантам лагерей освободить членов семьи, пытавшихся прокормить своих родственников через колючую проволоку. Немецкий военнопленный Пауль Шмитт был расстрелян в американском лагере в Бретценхайме, когда приблизился к проволоке, чтобы получить корзину с едой от жены и младшего сына. Доктор Хельмут фон Фрицберг видел, как американский охранник в лагере близ Ремагена расстрелял немецкого заключенного за разговор с женой через проволоку. Фрау Агнес

Шпира была расстреляна французскими охранниками в Дитерсхайме в июле 1945 года за то, что она приносила пленникам еду. На памятнике Шпире в окрестностях Бюдесхайма написано: «31 июля 1945 года моя мать была внезапно и неожиданно оторвана от меня из-за ее доброго дела по отношению к пленным солдатам». [21]

У французского капитана Жюльена возникли серьезные неприятности из-за ссоры с его сослуживцем, капитаном Руссо. Руссо в присутствии Жюльена стрелял в немецких женщин, примерно в то же время и в том же месте, что и французский офицер расстрелял фрау Шпиру. В Бад-Кройцнахе, как говорил Уильям Селлнер, охранники по ночам из пулеметов без разбора стреляли по лагерям из пулеметов, видимо, просто для спорта. Эрнст Рихард Крише в Бад-Кройцнахе написал в своём дневнике 4 мая 1945 года: «Дикая стрельба ночью, абсолютный фейерверк. Это, должно быть, предполагаемый мир. Следующим утром сорок погибших как 'жертвы фейерверков', в одном только нашем лагерном участке, много раненых». [22]

Другие свидетели

В беседе с представителями американской армии, состоявшейся в июне 1945 года, доктор Конрад Аденауэр подверг американские лагеря смерти вдоль Рейна очень резкой критике. Аденауэр сказал:

Некоторые немецкие военнопленные содержатся в лагерях вопреки всем принципам гуманности и в грубом противоречии с положениями Гаагской [и Женевской] конвенции. По всему Рейну от Ремаген-Зинцига до Людвигсхафена немецкие пленники неделями содержались в тесноте в заключении без какой-либо защиты от непогоды, без питьевой воды, без медицинской помощи, и получали в качестве еды всего несколько ломтиков хлеба. Они не могли даже лечь на пол [землю]. Это были многие сотни тысяч. Говорят, что то же самое происходит и во внутренних районах Германии. Эти люди умирали тысячами. Они день и ночь стояли по лодыжки в мокрой грязи! За последние несколько недель условия улучшились. Конечно, огромное количество пленных является одной из причин этих условий, но примечательно, что, насколько мне известно, на улучшение хотя бы самых тяжелых условий ушло очень много недель. Впечатление, произведенное на немцев публикацией фактов о концлагерях, было сильно ослаблено этим фактом... Я знаю, что зимой 1941-1942 годов немцы очень плохо обращались с русскими пленными, и нам должно быть стыдно за этот факт, но я чувствую, что вы не должны делать то же самое. Немецкие пленные тоже в лагерях ели траву и срывали листья с деревьев, потому что голодали в точности так же, как, к сожалению, голодали русские. [23]

То, как доктор Аденауэр описывал немцев, которые «день и ночь стояли по лодыжки в мокрой грязи», когда они умирали тысячами, похоже на описание положения пленных в американских лагерях вдоль Рейна, сделанное в апреле 1945 года американскими полковниками Чарльзом Бизли и Джеймсом Мейсоном, которые заявили, что пленные «стояли по лодыжку в грязи». [24]

Французский врач-доброволец Жозеф Кирш, работавший в эвакуационном госпитале для умирающих военнопленных, писал:

Я был добровольцем в Военной администрации 21-й [французского] военного округа [близ Меца]... Меня назначили во французский военный госпиталь при маленькой семинарии Монтины... В мае 1945 года американцы, занявшие госпиталь в Легуэсте, каждый вечер доставляли нас на скорой. Эти машины скорой помощи подъезжали к чёрному ходу... Мы выстраивали носилки в центральном зале. Для лечения в нашем распоряжении не было ничего. Мы могли выполнять только элементарные поверхностные обследования (выслушивать больных), только чтобы выяснить предполагаемую причину смерти ночью... ибо утром прибывало еще больше машин скорой помощи с гробами и негашеной известью... Эти узники были в таком крайне плохом состоянии, что моя роль сводилась к утешению умирающих. Эта драма преследует меня со времен войны; я считаю это ужасом. [25]

Подобно опыту американского капрала Дэниела Макконнелла, доктор Кирш обнаружил, что эти «госпитали» были всего лишь местами, куда отправляли умирающих узников, а не местами, где пленным помогали поправиться.

Пленные, переведённые из американских лагерей во французские, содержались на грани голодной смерти. Журналист Жак Фове писал в газете *Le Monde*: «Как сегодня говорят о Дахау, так через десять лет люди во всем мире будут говорить о лагерях, таких как Сен-Поль Д'Эйжо», где 17 тысяч пленных, перенятых у американцев в конце июля, умирали так быстро, что в течение нескольких недель были заполнены два кладбища по 200 захоронений каждое. Смертность к концу сентября составляла десять человек в день, или свыше 21% в год.

Фове выступил против идеи мести: «Люди будут возражать, говоря, что сами немцы, мол, не были особенно щепетильными в вопросе кормления наших людей. Но даже если они действительно нарушали Женевскую конвенцию, это вряд ли оправдывает наше следование их примеру... Люди часто говорили, что лучшей услугой, которую мы могли бы сделать, было бы подражание им, так что однажды они встретят нас перед судом истории. Но Франция должна сохранять верность идеалу, который выше простой гордости; следует сожалеть о том, что иностранная пресса вынуждена была напомнить нам об этом... Мы страдали и боролись не для того, чтобы сохранить навсегда преступления других времен и мест». [26]

Жан-Пьер Прадерван, глава делегаций Международного комитета Красного Креста (МККК) во Франции, отправился инспектировать французский лагерь в Торе-ле-Пен в конце лета 1945 года. Этот лагерь был уже известен в деревне неподалеку как «Бухенвальд», от имени печально известного немецкого лагеря. Две тысячи человек в лагере уже были доведены до такого состояния, что ничто не могло их спасти. Двадцать заключенных умерли в тот день, пока там находился Прадерван. Примерно 6 000 пленных вскоре умерли бы, если им не будут немедленно предоставлены продукты питания, одежда, жилье и медицинская помощь. Все оставшиеся заключенные страдали от недоедания.

Прадерван сначала обратился напрямую к де Голлю, который неоднократно игнорировал его. Поэтому Прадерван связался с МККК в Женеве, попросив принять меры. 14 сентября 1945 года МККК в Женеве направил в Госдепартамент в Вашингтоне, округ Колумбия, поразительный документ, основанный на докладе Прадервана об условиях в лагере. В документе содержалась просьба к правительству США принять экстренные меры для обеспечения пленных продовольствием, медикаментами, одеждой, обувью, одеялами и мылом. МККК рекомендовал Соединенным Штатам увеличить количество пайков в американских лагерях в Европе, чтобы избежать продолжительного недоедания среди немецких пленных. [27]

Генри У. Даннинг, работавший в отделе военнопленных Американского Красного Креста, также написал 5 сентября 1945 года письмо в штаб-квартиру Американского Красного Креста в Вашингтоне, округ Колумбия. Даннинг констатировал:

Положение немецких военнопленных во Франции стало отчаянным и вскоре превратится в открытый скандал. За прошедшую неделю несколько французов, которые ранее были пленниками немцев, призвали меня выразить протест в связи с тем, как правительство Франции обращается с немецкими военнопленными. Генерал Трэшер, командующий промежуточным сектором Уазы, попросил одного из наших полевых работников приехать в Париж, чтобы встретиться со мной по тому же поводу. Госпожа Даннинг, возвращаясь из Буржа, сообщает, что там еженедельно умирают десятки немецких заключенных. Я видел Прадервана, который сказал мне, что положение немецких пленных во Франции во многих случаях хуже, чем в бывших немецких концлагерях. Он показал мне фотографии человеческих скелетов и письма французских комендантов лагерей, которые просили снять их с должности, потому что они не могут получить никакой помощи от французского правительства и не могут безучастно смотреть, как узники умирают от нехватки пищи. Прадерван обращался ко всем во французском правительстве, но безуспешно. [28]

Французская газета *Le Figaro* сообщала об ужасных условиях в лагерях для военнопленных в сентябре 1945 года. Газета опиралась на показания без-

упречных свидетелей, таких, как священник отец Ле Мёр, который своими глазами видел пленных, голодающих в лагерях. Корреспондент *Le Figaro* Серж Бромбергер, писал: «Самый серьезный источник подтвердил, что физическое состояние заключенных хуже, чем плачевное. Люди говорили о ужасающей смертности не от болезни, а от голода, и о мужчинах, которые весили в среднем 35-45 кг [80-100 фунтов]. Сначала мы сомневались в правдивости всего этого, но обращения поступали к нам из многих источников, и мы не могли игнорировать показания отца Ле Мёра, помощника генерал-капеллана, занимающегося пленными».

Газета *Le Figaro* взяла интервью у главы Службы военнопленных французского генерала Луи Буиссона, который признался, что заключенные получают всего 900 – 1000 калорий в день. Буиссон сказал: «Врачи сказали нам, что этого как раз достаточно для того, чтобы человек, лежащий в постели, никогда не двигаясь, не умер слишком быстро». [29]

Le Figaro в статье «Мы не должны уподобляться им» писала: «В некоторых лагерях для немецких военнопленных можно увидеть живые скелеты, почти как в немецких концлагерях, и там много людей умирают от недоедания. Мы узнаем, что пленные подвергаются жестоким и систематическим избиениям и что некоторых из них используют для разминирования минных полей без средств защиты, обрекая их тем самым раньше или позже на смерть». [30]

Луи Клэр сообщал в *The Progressive* об ужасных условиях во французских лагерях для немецких военнопленных:

В одном лагере в округе Сарт на 20 тысяч заключенных пленные получают 900 калорий в день. Таким образом, ежедневно в больнице умирают двенадцать человек. От четырех до пяти тысяч вообще больше не могут работать. Недавно в лагерь прибыли поезда с новыми пленными: несколько узников погибли во время поездки, еще несколько пытались остаться в живых, поедая уголь, который лежал в грузовом поезде, на котором они приехали.

В одном лагере близ Орлеана комендант получал для покупки еды по 16 франков в день на одну голову или на одного заключённого, но он тратил всего девять франков, так что пленные голодали. В округе Шаранта из 12 000 заключенных лагерей 2500 человек больны. Один молодой французский солдат пишет другу, только что вернувшемуся из нацистского лагеря: 'Я смотрю, как те, кто заставлял тебя так страдать, умирают от голода, спят на холодных цементных полах, никак не защищенные от дождя и ветра. Я вижу ребят в возрасте 19 лет, которые умоляют меня дать им свидетельства о том, что они достаточно здоровы, чтобы вступить во Французский иностранный легион... Да, я, кто так их ненавидел, сегодня могу только жалеть их'.

Один свидетель сообщает о лагере в Лангре: 'Я видел, как их били винтовочными прикладами и пинали ногами на улицах города, потому что они падали от переутомления на работе. Двое или трое из них умирают от истощения каждую неделю'.

В другом лагере близ Лангра 700 пленных медленно умирают от голода; у них почти нет одеял и не хватает соломы, чтобы спать. В лагере наблюдается эпидемия тифа, которая уже перекинулась на соседнюю деревню. В другом лагере пленные получают питание только один раз в день, но, как ожидается, они должны продолжать работать. В другом месте в последнее время умерло так много людей, что место на кладбище закончилось, и пришлось построить еще одно кладбище.

В один лагерь, где пленные занимаются разминированием, регулярные поставки продовольствия прибывают только каждый второй день, так что 'заключенные делали себе суп из травы и некоторого количества украденных овощей'. Все заключенные этого лагеря заразились туберкулезом. Здесь и в других местах обращение с пленными ничем не отличается от жестокости нацистских эсэсовцев. Сообщалось о многих случаях, когда людей избивали настолько ужасно, что их конечности были сломаны. В одном из лагерей людей разбудили ночью, а когда они выползли из своих бараков, их расстреляли 'за попытку побега'.

Имеются письменные показания, подтверждающие, что в некоторых лагерях коменданты продавали на черном рынке все поставки, которые были предоставлены властями американской армии. Есть и другие показания, в которых говорится, что заключенных заставляли снимать обувь и бегать. И так далее, и так далее... Таковы факты. [31]

МККК после инспекций французских лагерей в 1945 и 1946 годах раз за разом сообщал, что условия в лагерях были «неудовлетворительными», «тревожащими», «вызывали обеспокоенность», но очень редко, что они были удовлетворительными. В конце октября 1946 года МККК отметил, что «ситуация в настоящее время более чем тревожная. Более половины немецких военнопленных недостаточно одеты и не смогут пережить суровую зиму без самого серьезного риска заболеваний. В таких условиях необходимо ожидать большого количества смертей в течение зимы». Такие же суровые предупреждения были повторены в докладе МККК в 1947 году. [32]

Во французских лагерях были распространены случайные расстрелы пленных. Подполковник Валентайн Барнс сообщал, что пьяные офицеры французской армии в Андернахе однажды ночью проехали на своем джипе через лагерь, со смехом и криками, когда они расстреливали пленных из своих автоматов «Стен». Результатом стали 47 погибших заключенных и 55 раненых. Французские охранники, сделавшие вид, будто бы заметили попытку побега в другом

лагере, расстреляли десять пленных в их огороженных лагерных участках. В 108-м пехотном полку насилие достигло таких масштабов, что генерал Бийот, командующий регионом, рекомендовал расформировать полк. Рекомендация Бийота была основана на предложении подполковника де Шампвалье, командира полка, который отказался от дальнейших попыток дисциплинировать своих солдат. [33]

Французский капитан Жюльен, когда он ходил по бывшему американскому лагерю для 32 тысяч заключенных в Дитерсхайме в июле 1945 года, думал: «Это то же самое, что Бухенвальд и Дахау». Топкая земля была «наполнена живыми скелетами», некоторые из которых умирали у него на глазах, другие жались друг к другу под кусочками картона. Женщины, лежавшие в дырах в земле, смотрели на него с вздувшимися от голода животами, старики с длинными седыми волосами немощно наблюдали за ним, а голодающие дети шести-семи лет смотрели на него безжизненными глазами. Жюльен вообще не мог найти никакой еды в этом лагере. Два немецких врача в «госпитале» пытались ухаживать за многими умирающими пациентами, лежащими на грязных одеялах на земле, между следами от палаток, которые американцы забрали с собой.

103 500 заключенных в пяти лагерях близ Дитерсхайма должны были стать частью рабочей силы, которую американцы передавали французам для репараций. Однако из этих заключенных французы насчитали 32 640 человек, которые не могли работать, поскольку это были старики, женщины, дети младше восьми лет, мальчики в возрасте от восьми до четырнадцати лет, смертельно больные или калеки. Все эти заключенные были немедленно освобождены. Заключенные, обнаруженные в другом бывшем американском лагере в Хехтсхайме, также находились в плачевном состоянии. Узники-скелеты в Хехтсхайме, одетые в лохмотья, снова напомнили капитану Жюльену о жертвах в немецких концлагерях. В своём докладе Жюльен назвал лагерь *bagnes de mort lents* или каторжные лагерь медленной смерти.

Капитан Жюльен немедленно предпринял шаги по улучшению условий в лагерях. Официальный армейский рацион составлял всего 800 калорий на человека в день. Этот уровень голода, который был таким же, как в немецком концлагере Берген-Бельзен, когда он был освобожден, был всем, что французская армия выделила для военнопленных из собственных запасов. Капитан Жюльен мобилизовал женщин из деревни, которые тут же привезли в лагерь еду. Жюльен в своих усилиях по улучшению условий в лагерях получил дополнительную помощь от «немецких властей» и МККК. К 1 августа 1945 года свыше 90% пленных размещались в палатках, продовольственные пайки были значительно увеличены, а уровень смертности был сокращён более чем вдвое. Система улучшения условий в лагерях капитана Жюльена сработала. Армия США тоже могла бы использовать гуманные методы Жюльена, но вместо этого она предпочла позволить немецким военнопленным умирать от воздействия погоды и от медленного голода. [34]

Во время посещения одного из лагерей для военнопленных Роберт Мёрфи, который был гражданским политическим советником Эйзенхауэра, пока тот несколько месяцев занимал пост военного губернатора, «был поражен тем, что наши заключенные были почти такими же слабыми и изможденными, как те, которых я наблюдал в нацистских концлагерях». Комендант лагеря рассказал Мёрфи, что он намеренно держал заключенных на голодной диете. Комендант пояснил: «Эти нацисты получают дозу своего собственного лекарства». Мёрфи позже смог добиться перевода этого коменданта на другой пост. Но неясно, насколько условия в лагере улучшились после перевода коменданта. [35]

Заключение

Джеймс Бак писал, что реакция, которую он получил после первого издания «Других потерь», была удивительной. Бак писал: «Очень отрадно, что тысячи бывших пленных написали мне или позвонили, присылали факсы или электронную почту, или даже звонили мне в двери, чтобы поблагодарить меня за то, что я рассказал историю, которую, как они боялись, могла умереть вместе с ними. Они продолжают посылать мне дневники, письма, 'Tagebücher', самостоятельно изданные книги, машинописные мемуары, на трех-четырех языках, а также фотографии, карты, рисунки, картины и даже несколько артефактов». [36]

В 2009 году Бак передал в Библиотеку редких книг Томаса Фишера в Университете Торонто множество документов, исследовательских материалов, расшифровок стенограмм, магнитофонных записей и писем, переданных ему выжившими немецкими военнопленными и другими свидетелями. [37] Он также перечисляет в библиографии к третьему изданию книги «Другие потери» десятки книг, написанных немецкими военнопленными, которые выжили в лагерях союзников. [38] Все эти свидетельства расширены и подтверждены многочисленными свидетельствами американских солдат, которые были свидетелями смертельных условий в лагерях союзников.

Примечания

[1] Bacque, James, *Other Losses: An Investigation into the Mass Deaths of German Prisoners at the Hands of the French and Americans after World War II*, 3rd edition, Vancouver, British Columbia: Talonbooks, 2011, стр. lxvi-lxvii.

[2] Wear, John, "American and French Witnesses to the American and French POW Camps after World War II," *Inconvenient History*, Vol. 12, No. 1, 2020.

[3] Laska, Werner Wilhelm, "In a U.S. Death Camp—1945," *The Journal of Historical Review*, Vol. 10, No. 2, Summer 1990, стр. 169-170.

[4] Там же, стр. 175.

- [5] Bacque, James, *Other Losses: An Investigation into the Mass Deaths of German Prisoners at the Hands of the French and Americans after World War II*, 3rd edition, Vancouver, British Columbia: Talonbooks, 2011, стр. xxii.
- [6] Bacque, James, *Crimes and Mercies: The Fate of German Civilians under Allied Occupation, 1944-1950*, 2nd edition, Vancouver, British Columbia: Talonbooks, 2007, стр. 49-50.
- [7] Там же, стр. 50-51, 53.
- [8] Bacque, James, *Other Losses: An Investigation into the Mass Deaths of German Prisoners at the Hands of the French and Americans after World War II*, 3rd edition, Vancouver, British Columbia: Talonbooks, 2011, стр. xxxiv-xxxv.
- [9] Там же, стр. lxiii.
- [10] Там же, стр. 130.
- [11] Там же, стр. 40-41.
- [12] Там же, стр. 37, 39.
- [13] Там же, стр. 41.
- [14] Там же, стр. 33-34.
- [15] Там же, стр. 34.
- [16] Там же, стр. 36.
- [17] Там же, стр. 128-130.
- [18] Bacque, James, *Crimes and Mercies: The Fate of German Civilians under Allied Occupation, 1944-1950*, 2nd edition, Vancouver, British Columbia: Talonbooks, 2007, стр. 91, 231 (footnote 13).
- [19] Bacque, James, *Other Losses: An Investigation into the Mass Deaths of German Prisoners at the Hands of the French and Americans after World War II*, 3rd edition, Vancouver, British Columbia: Talonbooks, 2011, стр. xxxvii.
- [20] Там же, стр. xxxiv, 239.
- [21] Там же, стр. xxxii-xxxiv.
- [22] Bacque, James, *Crimes and Mercies: The Fate of German Civilians under Allied Occupation, 1944-1950*, 2nd edition, Vancouver, British Columbia: Talonbooks, 2007, стр. 46.
- [23] Bacque, James, *Other Losses: An Investigation into the Mass Deaths of German Prisoners at the Hands of the French and Americans after World War II*, 3rd edition, Vancouver, British Columbia: Talonbooks, 2011, стр. 186-187.
- [24] Там же, стр. 31.
- [25] Там же, стр. xxxix.
- [26] Там же, стр. 97-98.
- [27] Там же, стр. 87-88.
- [28] Там же, стр. 89.
- [29] Там же, стр. 91.

[30] Keeling, Ralph Franklin, *Gruesome Harvest: The Allies' Postwar War against the German People*, Torrance, Cal.: Institute for Historical Review, 1992, стр. 22.

[31] Clair, Louis, *The Progressive*, Jan. 14, 1946, стр. 4. Quoted in Keeling, Ralph Franklin, *Gruesome Harvest: The Allies' Postwar War against the German People*, Torrance, Cal.: Institute for Historical Review, 1992, стр. 22-23.

[32] Bacque, James, *Other Losses: An Investigation into the Mass Deaths of German Prisoners at the Hands of the French and Americans after World War II*, 3rd edition, Vancouver, British Columbia: Talonbooks, 2011, стр. 107.

[33] Там же, стр. 85-86.

[34] Там же, стр. 81-83.

[35] Там же, стр. 144-145.

[36] Bacque, James, *Other Losses: An Investigation into the Mass Deaths of German Prisoners at the Hands of the French and Americans after World War II*, 3rd edition, Vancouver, British Columbia: Talonbooks, 2011, стр. xxiii.

[37] Там же, стр. 308.

[38] Там же, стр. 312-314.

Библиотека Велесова Слобода, 2022 г.